

ПОЭТИКА ПОСЛАНИЯ В СТРУКТУРЕ СТИХОТВОРНОГО ФЕЛЬЕТОНА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (к проблеме специфики жанра стихотворного фельетона)

В статье модель стихотворного фельетона, созданная автором на материале произведений Н.А. Некрасова, В.С. Курочкина, Д.Д. Минаева, сопоставляется с моделью дружеского послания, составленной по результатам исследований литературоведов; анализируются конкретные тексты двух жанров; показывается характер использования фельетоном поэтики послания в своей структуре.

Связь жанров послания и фельетона нам кажется очевидной: мы исходим в первую очередь из своего материала, который показал, что стихотворный фельетон достаточно часто за основу берет форму послания. Особенно ясно данное положение прослеживается на уровне субъектно-объектных отношений: если наличие субъекта речи характерно для большинства стихотворных жанров, то присутствие объекта, свойственное фельетону, как мы показали это ранее [1, 2], провоцирует сопоставление фельетона с посланием, функционирование адресата в котором является одной из примет жанра.

Для того чтобы, во-первых, продемонстрировать влияние поэтики послания на фельетон, а во-вторых, определить, как последний использовал эту поэтику в своей структуре, мы составили примерную модель жанра послания, которую затем сопоставили с моделью фельетона, созданной нами после обобщения как общеизвестных данных, так и собственных результатов в области структуры стихотворного фельетона.

При составлении модели послания мы руководствовались исследованиями в данной области литературоведов Б.В. Томашевского [3], Ю.М. Лотмана [4], Н.Л. Степанова [5], В.А. Грехнева [6], Ю.В. Стенника [7], Л.Г. Кихней [8], Л.Я. Гинзбург [9], Е.В. Дмитриева [10], М.Л. Гаспарова [11]. Как оказалось, наиболее изученной формой послания предстает дружеская, причем преимущественно пушкинской поры, поэтому в нашей модели нашли отражение в основном признаки дружеского послания. В результате мы получили следующую картину:

а) жанрообразующими признаками послания являются:

Послание

«я» – автобиографично
обращение к адресату
домашняя семантика
легкий перелет мысли
простодушная болтовня
время: абсолютизация настоящего
пространство: обитель с элементами

б) композиционный стержень послания представляет собой:

Композиционный стержень послания

Композиционная свобода

перечисление
игра на предметном и на метафорическом значениях образа
переходы темы то в реально вещественный, то в идеальный планы
стилевая чересполосица

Модель фельетона также можно представить графически:

а) жанрообразующими признаками фельетона являются:

Фельетон

повествователь «маска»
обращение к адресату
«скольжение» по темам
синтез высокого и низкого стилей
говорная интонация
время: синтез прошедшего и настоящего
пространство: человеческая цивилизация

б) композиционный стержень стихотворного фельетона представляет собой:

Композиционный стержень фельетона

Композиционная свобода

нанизывание фактов
свобода в переходе тем социального характера
постоянная смена иронического и серьезного тонов

При сопоставлении данных моделей видно, что в большинстве своем многие составляющие совпадают, что является подтверждением нашего предположения. Остановимся подробнее на каждом из пунктов.

В фельетоне в качестве повествователя доминирующим оказывается «маска», которая характеризуется саморазоблачением.

Для послания, не ставящего своей целью обличить порок (хотя и такие случаи в жанре имеют место), на первом месте автор, «наделенный автобиографическими чертами» [9, 187]. Первое и самое очевидное сходство двух жанров заключается в наличии конкретного адресата, однако в послании установка на собеседника, как отмечает В.А. Грехнев, целенаправленнее и острее. Но, несмотря на это, фельетон вбирает из послания одну из важных его примет, а именно – реальность, биографичность адресата (в наших предыдущих статьях мы говорили, что конкретные адресаты использовались в фельетонах достаточно широко).

За счет фигурирования автора и собеседника с биографическими чертами и создается особая, названная Ю.Н. Тыняновым «домашней», семантика слов [12]. Что касается фельетона, то слова с подобной семантикой им используются (например, у Некрасова в «Провинциальном подьячем в Петербурге»: «Я надорвал животики, / От смеха лопнул фрак! / Читая «Библиотеки», / Не хохотал я так!» [13, 1, 283]; «Раскланяюсь почитательно / Теперь без дальних слов; / Прощайте! Уж действительно / Я завтра еду в Псков» [13, 1, 288] или у Курочкина в «Стансах на будущий юбилей Бавия»: «Друзья, в мой праздник юбилейный, / С погребщиком сведя итог, / Я вас позвал на пир семейный – / На рюмку водки и пирог» [14, 1, 174]), причем, как правило, эти слова выделяются на общем фоне изложения, подчеркивая либо качества конкретного лица, либо качества всего общества в целом, что, в свою очередь, способствует созданию комического эффекта.

Следующим тождественным признаком жанров является, в терминологии исследователей жанра послания, легкость в перелете мысли от темы к теме (теоретики фельетонов данному признаку дали говорящее определение «скольжение» по темам), что в свой черед свидетельствует и о другой особенности жанров – о наличии нескольких тем в структуре одного произведения. Смена тем в послании осуществляется с помощью простодушной «болтовни», или разговора «по душам» [6, 66]. Практически то же самое мы видим и в стихотворном фельетоне, где преобладает

говорящая интонация. Подобная картина роднит жанры в тенденции к сближению поэзии и прозы.

Сопоставление хронотопа жанров выявило явное расхождение, что уже объясняется специфическими свойствами каждого из них. Так, по данным Грехнева, изучившего «Послание к Юдину», «Городок» А.С. Пушкина, «Мои пенаты» К.Н. Батюшкова, послание абсолютизирует только настоящее время: «Художественная реальность послания «вся в настоящем разлита». Элегическая ностальгия по минувшему не ведома ей. Мало того, послание вообще стремится вычеркнуть прошлое <.....>, ибо все ценности бытия оно безраздельно закрепляет за настоящим <.....>, желая продлить его в будущее» [6, 49]. Как показал наш материал, стихотворному фельетону свойственно сочетание прошедшего и настоящего времен: поскольку он имеет дело со свершившимся фактом – то и время в нем – прошедшее; а чтобы максимально приблизить данный факт к моменту опубликования фельетона, используется настоящее время (см. «Песни о свободном слове», «Газетная», «Мысли журналиста» Некрасова, «Благоразумная точка зрения», «Г-н Асоченский и г-н Летотар» Курочкина, «Кто он?», «Фискал», «1-е января» Минаева и др.).

Пространство послания – две сферы жизни – малая и большая: некая фантастическая обитель, но обязательно с элементами быта, что связано с жанровой установкой на сопряжение поэзии и быта. Пространство фельетона в связи с его социальной установкой всегда – человеческая цивилизация. Наличие других типов пространств связано уже с каждым конкретным произведением.

Грехнев, исследуя поэтику послания (в частности, описывая произведения П.А. Вяземского «К партизану-поэту», В.А. Жуковского «К Батюшкову», Пушкина «Мое завещание. Друзьям», «Послание к Юдину», «Городок», «К Галичу»), отмечает его необычайную композиционную раскованность, которую «не мог себе позволить ни один жанр» [6, 67]. То же мы можем сказать и о жанре стихотворного фельетона, который отличается повышенной свободой композиции: да, фельетон обычно строится как нанизывание конкретных

фактов, но строгой организованности в построении данного нанизывания не существует; кроме того, в большинстве фельетонов мы наблюдаем и вставные элементы, которые могут появиться: а) в самом тексте (в начале («Новости», «Чиновник» Некрасова, «Слово о полку Игореве» Минаева), в центре («Балет», «Газетная», «Кабинет<...>» Некрасова, «Фискал» Минаева), – в любом месте – по желанию поэта), б) вне текста – в качестве примечаний. Однако среди разнообразия композиционных видоизменений как в послании, так и в фельетоне можно выделить некоторые устойчивые формы:

а) во-первых, для послания характерным построением является перечисление (подробностей быта, фамилий известных лиц, видений фантазии и т.д.); для фельетона – «нанизывание» фактов (по сути то же перечисление);

б) во-вторых, так как послание имеет дело с двойным пространством (реальным и ирреальным), то и композиция его строится с постоянным переходом темы из реально вещественного плана в идеальный – желаемый; в фельетоне смена тем происходит в основном не выходя за рамки социальности;

в) в-третьих, за посланием закрепились возможность переходов из тона в тон, то есть возможность стилиевой чересполосицы; в фельетоне мы наблюдаем абсолютно ту же картину.

Сравним «Городок» Пушкина и «Плач Москвы о переселении в Петербург сплетни» Курочкина.

У Пушкина:

Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилась она
Ко груди грудью страстной,
Устами на уста

<.....>

Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку,
Играя, разломал,

<.....>

А я сию смиренно
В мечтаньях углубленный [15, 1, 75-76].

У Курочкина:

Ступай, покорная велению Каткова!

Ужели, господа, все это наяву?

Увы! Не помнишь ты блаженного былого;
Но вспомнишь добрую помещицу Москву.

<.....>

Не зная никаких стеснений и шнуровок,
В чепце и кофточке просторной, ты была
Занятым кумушек, отрадою золовок,
Жирела с каждым днем и все росла, росла...

<.....>

Ты плачешь? Дай господь,

чтоб эти слезы вытер

Холодный, пасмурный, закованный в гранит,
Чиновник-либерал, всегда свистящий Питер.
Бедняжка! Свист его тебя не пощадит

[14, 212].

Сопоставительный анализ моделей жанров послания и стихотворного фельетона продемонстрировал достаточно близкое их сходство, что может служить доказательством влияния поэтики более раннего жанра – послания – на стихотворный фельетон. Однако наше исследование было бы неполным, если бы мы не показали, как признаки послания функционируют в структуре фельетона. Для этого остановимся на конкретных примерах. Первоначально отметим, что поэтика послания используется в 16 фельетонах, что составляет 24% от общего числа стихотворений; причем в фельетонах Минаева подобных примеров нами не обнаружено. Интересным в данном аспекте представляется фельетон Курочкина «Сон на Новый год». Этот фельетон в своей структуре содержит элементы жанра оды, а также дружеского послания, причем переход от одного «жанра» к другому маркирован в тексте: каждый из 8 строфоидов, относящихся к жанру послания, состоит из 6 строк (хотя до и после этого были абзацы величиной в 10 и 5 строк); переход от одической части к части послания осуществляется с помощью строфоида в пять строк, в котором фиксируется смена манеры изложения: от описательной к собственно-прямой речи. Первичные признаки послания в данном «фрагменте» – автобиографичность субъекта речи («Я встал, как следует поэту», «Певец желает в Новый год») и наличие адресата, сначала обобщенного – друзья, а затем и конкретного:

Тебе, Сорокин, – чтобы мог ты
От Бугорков до Малой Охты
Скушать дома до одного [14, 123].

С помощью данных признаков послания в фельетоне усиливается его собственный константный признак – **злободневность**. Следующая примета послания – «домашняя» семантика слов, с помощью которой в фельетоне создается **мнимое дружеское расположение**:

Чтоб чарка водки в воскресенье –
Труда тяжелого забвенья –
Была у бедных мужичков.
<.....>
Друзья мои, <.....>
<.....>
И счастья всем – в убогих хатах
И в раззолоченных палатах –
Певец желает в Новый год» [14, 123].

Мы обнаружили и свойственную посланию игру на метафорическом и предметном значении образа, что позволяет усилить **комичность фельетона**:

Исполняясь гордого сознанья,
Что мы кладем основы зданья,
Неразрушимого в веках,
Призванья нашего достойны,
Пребудем мудры и спокойны,
Как боги древних в небесах» [14, 122].

Помимо этого мы можем выделить и **легкий переход мысли, и болтовню**. Однако, что касается хронотопа, то здесь отмечаются некоторые нововведения уже фельетона: время представляет собой не господство настоящего, а синтез трех типов времени (настоящего, прошедшего (в значении будущего, за счет союзного слова «чтоб»), будущего), причем приоритет отдан будущему времени, поскольку послание предстает в форме пожеланий. Пространство хотя и имеет оттенок фантастического (ведь перед нами «Сон»), однако же тя-

готее к бытовому, или созданному человеческой цивилизацией, что уже говорит об отпечатке поэтики фельетона и является симптомом злободневности.

Как мы видим, в данном фельетоне поэтика дружеского послания употреблена с целью введения в заблуждение (на фоне дружеских пожеланий вскрываются как объекты осмеяния, так и их основные пороки), вследствие чего достигается дополнительное маркирование основных признаков жанра фельетона¹.

Довольно частотное использование Некрасовым и Курочкиным в стихотворных фельетонах середины XIX века поэтики послания заставляет задаться вопросом: а сам жанр дружеского послания в творчестве поэтов имеет такое же активное развитие или же особенности послания фигурируют только в их фельетонах? Мы обратились к собраниям сочинений данных авторов с целью выявления жанра послания. Среди произведений Некрасова мы обнаружили два типа посланий: 1) любовные, посвященные А.Я. Панаевой, которые тяготеют к жанру элегии («Так это шутка? Милая моя», «Да, наша жизнь текла мятежно», «Зачем насмешливо ревнуешь...» и др.); 2) шуточные послания (с элементами пародии – «Послание к другу (из-за границы)» и *dubia* «Послание к соседу», коллективное «Послание к Лонгинову»). Второй тип обнаружен нами и в творчестве Курочкина («Напутствие (Н.С. Кну)», «Брату Н.С. Курочкину»). Немногочисленные случаи шуточного послания лишь раз подтверждают точку зрения исследователей генезиса жанра: «лирическое послание «выходит из моды» и к середине XIX века перестает существовать как жанр» [16, 128]. Таким образом, мы можем выделить факт жизни одного жанра в структуре другого – дружеского послания в структуре стихотворного фельетона.

Итак, подводя итоги сказанному, мы можем сделать некоторые обобщения:

а) стихотворный фельетон, используя поэтику послания, вбирает в себя от него: конкретное адресата, «домашнюю» семантику

¹ По тому же принципу построены фельетоны: «Говорун», «Провинциальный подьячий в Петербурге», «Что подельывает наша внутренняя гласность?», «Песня об Аргусе», «Финансовые соображения» Некрасова, «Безвинно страждущим», «Стансы на будущий юбилей Бавия», «Семейная встреча 1862 года», «Плач Москвы о переселении в Петербург сплетни», «Письмо об России Фукидизи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Цее-Цию» Курочкина.

слов, композиционную раскованность. Данная избирательность демонстрирует гибкость фельетона, сумевшего отобрать только те приемы, которые направлены на усиление его константных признаков: злободневности (за счет наличия конкретного адресата), двуплановости темы (за счет композиционной раскованности) и комичности (за счет игры на

метафорическом и предметном значении образа, а также «домашней семантики слов»);

б) стихотворный фельетон оставляет не усвоенными те признаки послания, которые противоречат его жанровой природе: хроно-топ и связанный с ним переход темы из реально вещественного плана в идеальный – желаемый.

Список использованной литературы:

1. Румянцева, В.Н. Из наблюдений над субъектным строем стихотворных фельетонов Д. Минаева / В.Н. Румянцева // *Художественный текст: варианты интерпретации: Труды X межвузовской научно-практической конференции* (Бийск, 16-17 мая 2005г.): В 2 частях. Ч. 2. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 91 – 95.
2. Румянцева, В.Н. Маска в стихотворных фельетонах середины XIX века (на примере произведений Н.А. Некрасова, В.С. Курочкина, Д.Д. Минаева) / В.Н. Румянцева // *Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XI Всероссийской научно-практической конференции* (Бийск, 12-13 мая 2006 г.): В 2 частях. Ч. 2. – Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 156 – 162.
3. Томашевский, Б.В. Стих и язык. Филологические очерки. / Б.В. Томашевский. – М.-Л., 1959. – С. 325 – 351.
4. Лотман, Ю.М. Поэты 1790 – 1810 гг. / Ю.М. Лотман // *Поэты 1790 – 1810гг.* – Л., 1971. – С. 5 – 62.
5. Степанов, Н.Л. Лирика Пушкина. / Н.Л. Степанов. – М, 1959, – 416 с.
6. Грехнев, В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров / В.А. Грехнев. – Горький, 1985. – 239 с.
7. Стенник, Ю.В. Становление традиций классицистической сатиры (жанр стихотворного сатирического послания) / Ю.В. Стенник // Ю.В. Стенник. *Русская сатира XVIII в.* – Л., 1985. – С. 54 – 131.
8. Кихней, Л.Г. Стихотворное послание в русской поэзии н. XX века (Развитие жанра в символистской и пролетарской поэзии) / Л.Г. Кихней. – М., 1985. – 17 с.
9. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М., – 1997. – 416 с.
10. Дмитриев, Е.В. Фактор адресации в русской поэзии XVIII – начала XX вв. / Е.В. Дмитриев: Автореф. дис. ...д. филол. наук. – М., 2003. – 38 с.
11. Гаспаров, М.Л. Послание / М.Л. Гаспаров // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – Стб. 763.
12. Тынянов, Ю.Н. Арханглы и новаторы / Ю.Н. Тынянов. – Л.: Прибой. 1929. – 595 с.
13. Некрасов, Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 тт. / Н.А. Некрасов: Т.1.: Стихотворения 1838-1855 гг. – Л.: Наука, 1981. – 720 с.; Т.2.: Стихотворения 1855–1866 гг. – Л.: Наука, 1981.– 448 с.; Стихотворения 1866 – 1877 гг. – Л.: Наука, 1982.– 512 с.
14. Курочкин, В.С. Поэты «Искры». В 2 т.: Т.1. – Л.: Сов. писатель, 1955. – 810 с. (Б-ка поэта, б.с.).
15. Пушкин, А.С. Избранные сочинения в двух томах / А.С. Пушкин: Т.1. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 75 – 76.
16. Гаспаров, М.Л. Очерк истории русского стиха (метрика, ритмика, рифма, строфика) / М.Л. Гаспаров. – М., 1984. – 320 с.